

ЗАМЕТКА ПУШКИНА О ЗАМЫСЛЕ „ГРАФА НУЛИНА“

Небольшая по объему, крайне несложная по сюжету, лишенная, казалось бы, всякой проблемности, шуточная поэма или *повесть в стихах* «Граф Нулин» тем не менее принадлежит к числу значительнейших произведений Пушкина. Яркое выражение раннего пушкинского реализма, своего рода реалистический манифест поэта, она оказала заметное влияние на развитие прогрессивной русской литературы XIX в., не потеряла своего непосредственного живого интереса и для нашего времени.

О том, как возник замысел «Графа Нулина», когда и при каких обстоятельствах повесть была написана, мы знаем из черного наброска Пушкина, найденного в его бумагах после смерти.

«В конце 1825 года,— пишет Пушкин,— находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предпримчивость, и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола¹ не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.»

Рукопись этого интереснейшего наброска, ныне хранящаяся в архиве ИРЛИ, представляет собой ординарный лист обыкновенной писчей бумаги. Большое количество вычерков и исправлений указывает на то, что перед нами первоначальный черновой текст, беглая запись нескольких мыслей, но мыслей важных для автора, которые он стремился сформулировать с максимальной точностью и к которым, вероятно, намеревался еще вернуться.

¹ Публикола ошибочно назван вместо Коллатина, мужа Лукреции.

Впервые этот набросок был частично опубликован в 1855 г. П. В. Анненковым в «Материалах» (стр. 167).¹ Полностью со всеми разночтениями его напечатал П. О. Морозов в Академическом Собрании сочинений Пушкина (1916 г., т. IV, стр. 230—231).² Затем он обычно перепечатывался во всех собраниях сочинений поэта среди критических и автобиографических статей и заметок.

Когда был сделан Пушкиным этот набросок и с какой целью?

Правильные ответы на эти вопросы имеют первостепенное значение не только для понимания текста наброска, но и для выяснения истории замысла «Графа Нулина».

На рукописи дата, естественно, не обозначена — ведь это отрывочная черновая запись для какой-то будущей статьи или заметки.

Анненков вопроса о дате не касается, замечая лишь, что этот «клочок бумажки» принадлежит «к разрозненным и в половину утерянным» запискам Пушкина.

Позднейшие исследователи от П. О. Морозова и М. О. Гершензона до Б. В. Томашевского называют в качестве даты 1829—1830 годы.³

У П. О. Морозова читаем: «... заметка Пушкина о «Нулине» писана, вероятно, <...> вскоре после того, как случилось то происшествие в «Новоржевском уезде», о котором в ней упоминается. Героем этого происшествия оказался приятель поэта А. Н. Вульф, гостивший с ним в январе 1827 г.⁴ в имении своего дяди П. И. Вульфа — не в Новоржевском, а в Старицком уезде Тверской губернии.»

Утверждение М. О. Гершензона более категорично: «Теперь уже положительно известно, что приведенная выше запись Пушкина писана не ранее 1829 года: он упоминает в ней о сходном происшествии, случившемся недавно в его соседстве в Новоржевском уезде; в дневнике А. Н. Вульфа, изданном в 1916 г., рассказано это происшествие, на которое намекает Пушкин: оно случилось в феврале 1829 г. с самим Вульфом, на глазах Пушкина (неудачное ночное путешествие Вульфа в комнату молоденькой поповны)».⁵

Б. В. Томашевский в примечаниях к VII тому редактированного им десятитомного собрания сочинений Пушкина, безоговорочно относя заметку к 1830 г., пишет: «Происшествие в Новоржевском уезде — по рассказам современников, приключение с Алексеем Вульфом, ухаживавшим за одной поповной».⁶

¹ Анненков опубликовал 1-й и 3-й абзацы, и то с пропусками и не вполне точно.

² Публикация Морозова, однако, не лишена ошибок. Напр., вместо «Цари под кинжалом» напечатано «Цари под покровом». Это послужило М. О. Гершензону основанием для ошибочных предположений.

³ Г. А. Гуковский называет 1833 г., но это, вероятно, просто недоразумение («Пушкин и проблемы реалистического стиля». М., Гослитиздат, 1957, гл. II, стр. 79).

Д. Д. Благой в главе о «Графе Нулине» своей монографии «Творческий путь Пушкина, 1813—1826 гг.», приводя текст наброска, о датировке его не говорит ничего (М. — Л., изд-во АН СССР, 1950).

⁴ П. О. Морозов ошибается: это происходило, как явствует из записей Вульфа, двумя годами позже, в 1829 г. и, следовательно, этим годом Морозов намерен был датировать публикуемый им набросок.

⁵ М. О. Гершензон, «Граф Нулин». Сб. «Статьи о Пушкине» М., «Academia», 1926, стр. 46. Впервые статья была опубликована в 1918 г. в отдельном издании поэмы «Граф Нулин». Гершензон допускает ошибку, утверждая, что происшествие с Вульфом случилось «на глазах Пушкина». В дневнике А. Н. Вульфа об этом не сказано.

⁶ М. — Л., изд-во АН СССР, 1949, стр. 694. Ранее в большом академическом полном собрании сочинений Пушкина «Заметка» также датирована 1830 г., но с вопросом.

Как видим, во всех случаях датировка наброска Пушкина о «Графе Нулине», а вместе с тем неизбежно и общее осмысление его основываются на дневниковой записи А. Н. Вульфа.

Происходит странное недоразумение. Пушкинский текст читается явно неправильно.

А. Н. Вульф 6 февраля 1829 г. занес в свой дневник запись о приезде «к нам в Старицу»¹ Пушкина и о днях, проведенных поэтом в тверской деревне. Вульф рассказывает: «После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу.² За обедом мы напоили Люнелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрициньку (гамбургскую красавицу, которую дядя привез из похода и после женился на ней), немку из Риги, полугувернантку, полуслужанку, обрученную невесту его управителя и молодую, довольно смешную девочку, дочь прежнего берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики. Я упоминаю об ней потому, что имел после довольно смешную с ней историю. Мы танцевали и дурачились с ними много, и молодая селянка вовсе недвусмысленно показывала свою благосклонность ко мне. Это обратило мое внимание на нее, потому что прежде, в кругу первостатейных красавиц, я ее совсем не заметил. Я вообразил себе, что очень легко можно будет с ней утешиться за неудачи с другими, почему через несколько дней, приехав опять в Павловское, я сделал посещение ей в роде гр. Нулина, с тою только разницею, что не получил пощечины».³

Этот рассказанный Вульфом эпизод из ряда его многочисленных романтических походов не раз цитировали позднее писавшие о «тверском ловеласе», дополняя всякого рода измышлениями.

Стоит внимательно вчитаться в запись Вульфа и сопоставить ее с текстом пушкинского наброска, чтобы стало совершенно очевидным, что вопреки утверждениям исследователей набросок Пушкина никакого отношения к дневниковой записи Вульфа не имеет.

Пушкин говорит о «соблазнительном происшествии», которое случилось близ его родного Михайловского, в Новоржевском уезде Псковской губернии незадолго до того, как был задуман «Граф Нулин», и которому принадлежит далеко не последняя роль в истории замысла повести, а вовсе не перед написанием позднейшего наброска «В конце 1825 года находился я в деревне...»

Из контекста пушкинского наброска бесспорно явствует, что слово «недавно» употреблено здесь в значении «незадолго перед тем...», и выражение «случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде» неразрывно связано со всем дальнейшим ходом мысли поэта, его объяснением развития замысла, относящегося к концу 1825 г. Первый и второй абзацы пушкинского текста объединены глаголом «подумал» и один вытекает из другого. Совершенно несомненно, что все, о чем здесь идет речь, происходило одновременно. То, что текст разделен на два абзаца, само по себе ничего не значит. Если мы заглянем в рукопись, то увидим, что первый абзац, в свою очередь, был разбит на три, но ведь логика развития мысли от этого не меняется. Следует заметить, что в рукописи имеются другие

¹ Старица — уездный город Тверской губ.; в Старицком уезде находились родовые имения Вульфов: Малинники, Павловское, Берново и др.

² П. И. Вульф — дядя Алексея Николаевича, владелец села Павловского.

³ А. Н. Вульф. Дневники. М., «Федерация», 1929, стр. 193.

варианты начала второго абзаца, прямо связывающие его с первым: «Мысль эта...»; «Соблазнительный...» (в последнем случае деление на абзацы вовсе отсутствует). Третий абзац является логическим завершением первых двух, иначе его невозможно понять: *подумал* о том, что, если следовать за Шекспиром, то дай Лукреция пощечину Тарквинию — иным мог бы быть ход всей мировой истории; о том, что, следовательно, если верить Шекспиру и римским историкам, то надо признать, что события мирового значения могут определяться чистыми случайностями, происшествиями, вроде описанного в «Лукреции» или даже случившегося в глухом уголке Псковской губернии, в Новоржевском уезде; эти размышления, понимание ошибочности такого слепого преклонения перед силой случая и вызвали желание пародировать Шекспира и историю.¹

Кроме того, только ко времени, когда создавался «Граф Нулин», т. е. к 1825 г. Пушкин мог сказать: «В моем соседстве, в Новоржевском уезде», ибо только в это время он был постоянным жителем псковской деревни. Зная неизменную точность Пушкина, следует признать совершенно исключенным, чтобы он мог перепутать Новоржевский уезд Псковской губернии и Старицкий уезд Тверской губернии,— уж очень хорошо были знакомы поэту тот и другой.

Таким образом, как уже было сказано, дневниковая запись А. Н. Вульфа не имеет ничего общего с наброском Пушкина о замысле «Графа Нулина» и, следовательно, никак не может служить основанием ни для его датировки, ни для общего осмысления. Вульф упомянул в своей записи о «Нулине» только по сходству самой общей ситуации своего приключения и походов пылкого графа (стихотворная повесть Пушкина была ему хорошо известна).² Интерес рассказа Вульфа заключается совсем в другом,— в том, что он подтверждает жизненность, бытовую достоверность сюжетной ситуации пушкинской повести. Но об этом следует говорить особо.

Мы не можем назвать точную дату, когда был сделан Пушкиным набросок о замысле «Графа Нулина», но естественнее всего предположить, что эта дата — 1827 год. В этом году Пушкин напечатал отрывок из «Нулича» в «Московском Вестнике» (ч. I, № IV, стр. 251) и готовил к публикации полный текст своей повести, неоднократно возвращаясь к нему («Граф Нулин» целиком был опубликован впервые в альманахе «Северные цветы» на 1828 г., вышедшем 22 декабря 1827 г., затем в издании «Две повести в стихах», вышедшем в 1828 г.).

Живой отклик со стороны поэта вызвали замечания «высочайшего цензора» Николая I, цензуравшего «Графа Нулина» вместе с III главой «Онегина» в июле—августе 1827 г. и нашедшего некоторые стихи «непристойными». Бенкендорф, сообщая Пушкину царскую волю, 22 августа писал: «Графа Нулина государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своею ручкою два места, кои его величество жаелает видеть измененными; а именно следующие два стиха: «порою с барином шалит», и «кос-

¹ В рукописи первоначально было «Римскую историю», затем слово «Римскую» Пушкин вычеркнул как само собой разумеющееся, осталось слово «историю» с маленькой буквы.

² О «Графе Нулине», как произведении ему известном, Вульф упоминает в своем Дневнике еще 16 сентября 1827 г.

нуться хочет одеяла. . .». В воспоминаниях современников сохранились, со слов Пушкина, свидетельства и о других сделанных ему замечаниях. А. О. Смирнова-Россет в своей Автобиографии рассказывает: «Государь цензуровал «Графа Нулина». У Пушкина сказано «урыйльник». Государь вычеркнул и написал — будильник. Это восхитило Пушкина. «Это замечание джентельмена. А где нам до будильника. . .»¹ А. Н. Вульф 16 сентября 1827 г. записал в своем Дневнике: «Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензуровали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп».²

Записанный Вульфом разговор его с Пушкиным происходил осенью 1827 г. в Михайловском, — «селе его матери, недавно бывшем еще месте его ссылки, куда он недавно приехал из Петербурга с намерением отдохнуть от рассеянной жизни столиц и чтобы писать на свободе. . .»³ Весьма вероятно, что и набросок о замысле «Графа Нулина» писался именно в это время в псковской деревне, где за два года до того была создана сама повесть.

Датируя набросок «В конце 1825 года находился я в деревне. . .» 1830-м годом, редакторы собраний сочинений Пушкина и исследователи тем самым связывали его с критическими замечками, писавшимися поэтом осенью 1830 г. в Болдине. С этим также нельзя согласиться. Набросок по своему характеру решительно отличается от болдинского «Опровержения на критики», содержащего между прочим ответ Н. И. Надеждину на его выпады против «Графа Нулина» в «Вестнике Европы» (1828 г., № 22; 1829 г., № 3 и др.). Острая полемичность составляет основу заметок «Опровержение на критики». Все, что здесь говорит Пушкин и по поводу отдельных своих произведений, в том числе «Графа Нулина», и по некоторым общим литературным вопросам вызвано ясно выраженным желанием защитить свои принципиальные позиции от нападков людей, враждебно настроенных или не понимающих. Набросок же «В конце 1825 года находился я в деревне. . .» вовсе лишен всякой полемичности и является спокойным повествованием о том, как было задумано и создано произведение.

Он больше всего похож на набросок предисловия или автокомментария, к которому иногда прибегал Пушкин.

Есть нечто общее между ним и набросками предисловия к «Борису Годунову», сделанными Пушкиным в форме письма к Н. Н. Раевскому в 1825 г. и затем переработанными и дополненными. Произведение столь важное, совершенно новое как «Борис Годунов» нуждалось, по мысли Пушкина, в разъяснении и обосновании. «Граф Нулин», конечно, явление не такого масштаба, как «Борис Годунов», но и он был для Пушкина произведением весьма значительным и, главное, принципиально новым, и потому вполне естественно, что поэт мог захотеть снабдить его необходимыми пояснениями, и именно в то время, когда подготавливалась первая публикация повести. Не все в известном нам тексте могло быть напечатано; скажем, слова, в которых содержатся политические намеки, явно не предна-

¹ Изд-во «Мир», М., 1931, стр. 182.

² А. Н. Вульф. Дневники, стр. 136—137.

³ Там же, стр. 135.

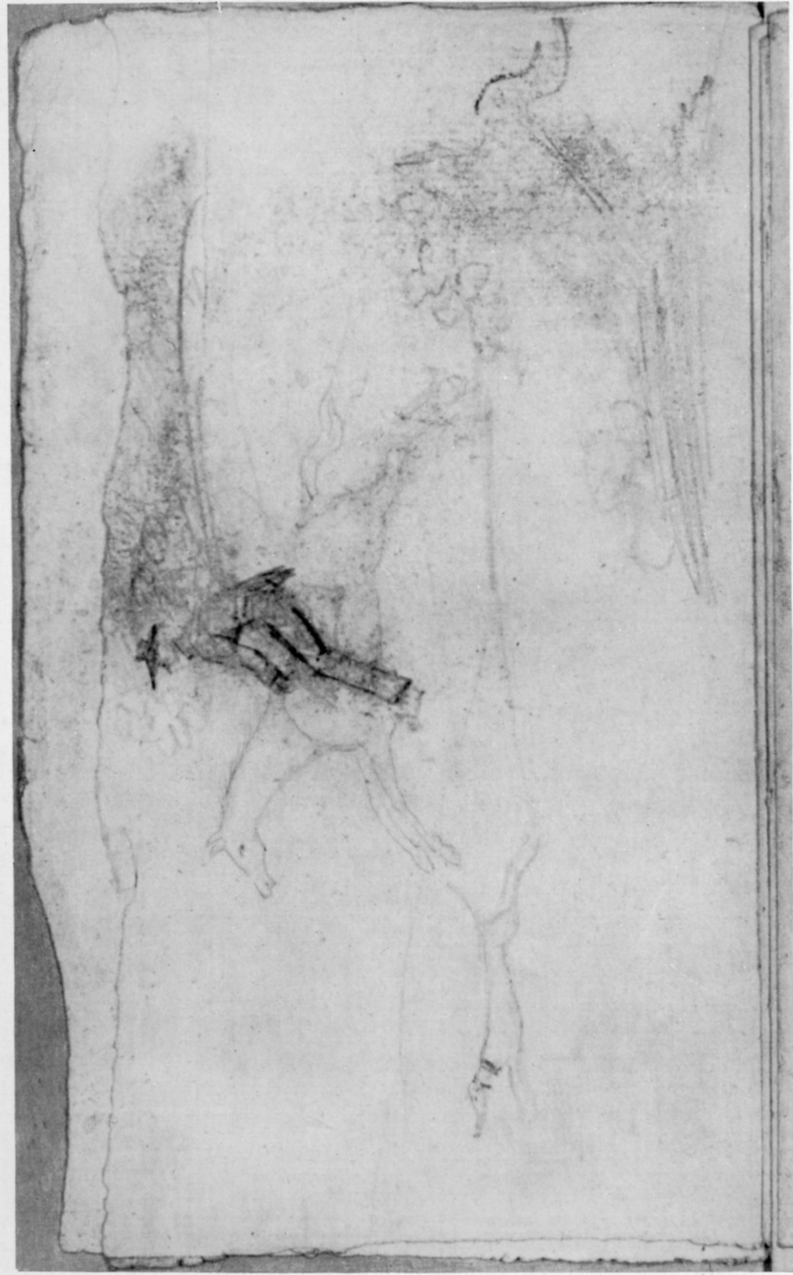

Рисунок Пушкина на странице рукописи «Евгения Онегина». 1825.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград.

значались для цензуры. Но ведь это только первоначальная черновая запись, которая в дальнейшем должна была быть отредактирована и закончена. Точно так же подлежали обработке и наброски предисловия к «Борису Годунову»: вряд ли предполагал Пушкин сохранить в печатном тексте, например, высказывания о наполняющих трагедию «славных шутках и тонких намеках на историю того времени, вроде наших киевских и каменных обняков».

Можно указать также на общие черты, сближающие набросок «В конце 1825 года находился я в деревне. . .» с «Письмом к издателю «Московского Вестника» по поводу «Бориса Годунова», написанным в 1827 году («С 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности <. . .> Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира. . .»), с предисловием ко 2-му изданию поэмы «Руслан и Людмила», 1828 г. («Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начала свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея. . .»), а также с более ранними заметками типа автокомментария к «Братьям разбойникам», «Бахчисарайскому фонтану» и др.

Если освободить толкование заметки Пушкина от недоразумений, вызванных необоснованным сближением ее с дневниковой записью А. Н. Вульфа 1829 г., намеченная в ней самим поэтом история возникновения и реализации замысла «Графа Нулина» предстанет в следующем виде.

Замысел возник осенью 1825 г., второй осенью деревенской ссылки Пушкина, которую по напряженности творческих исканий, количеству и значительности созданных произведений можно сравнить только с болдинской осенью 1830 г. Это был один из важнейших, если не важнейший этап в творческом развитии Пушкина, и естественно, что именно к этому времени относятся слова поэта: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Замысел возник в процессе работы над «Борисом Годуновым» и IV главой «Евгения Онегина», произведениями такими далекими, потому что одно из них — историческая трагедия, другое — сугубо современный роман, и в то же время такими близкими, потому что и в том, и в другом поэт впервые достиг подлинной историчности и, распространив исторический метод не только на понимание и изображение прошлого, но и настоящего, прочно утвердил в поэзии принципы реализма.

Работая над «Борисом Годуновым» и «Онегиным», поэт, говоря его словами, «писал и размышлял» — размышлял над проблемами политическими, эстетическими, над законами, определяющими развитие человеческого общества и формирующими явления искусства. Мысли его обращались и к историкам древности, и к Шекспиру, и к фактам далекого прошлого родной страны, и к окружающей российской современности. Свидетельством этих размышлений являются и наброски предисловия к «Борису Годунову» (в письме Н. Н. Раевскому), и лирические отступления в конце IV главы «Евгения Онегина» (напр., полемика с В. К. Кюхельбекером по поводу его

нападок на современную элегическую поэзию в статье «О направлении нашей поэзии...»), и реакция на драматическую шутку Кюхельбекера «Шекспировы духи», пропагандировавшую «романтического» Шекспира и на этой основе утверждавшую романтические идеалы поэзии и назначения поэта (в письмах А. А. Бестужева, П. А. Плетневу, самому В. К. Кюхельбекеру),¹ и многое другое.

Шекспир во всех размышлениях Пушкина этого времени занимает весьма существенное место, но не Шекспир, угодный романтикам, автор «Бури» и «Сна в летнюю ночь», а Шекспир — автор исторических хроник и психологических трагедий, реалист, «отец» всей новой литературы.

Читая и перечитывая в часы, свободные от работы над «Борисом Годуновым» и «Евгением Онегиным», Шекспира, Пушкин остановил свое внимание на поэме «Tarquin and Lucrese». Далеко не лучшее произведение великого драматурга, поэма эта тем не менее теперь, в конце 1825 г., вызвала у Пушкина особый интерес. Это вполне естественно. Его привлек сюжет из истории древнего Рима и то, как этот сюжет осмыслен Шекспиром. Поглощенный размышлениями о закономерностях исторического развития, утверждавший в своем творчестве новые взгляды на историю и ее законы и опиравшийся при этом прежде всего на драматургию Шекспира, Пушкин никак не мог согласиться с тем объяснением исторических событий как цепи случайностей, тем слепым преклонением перед силой случая, которые с предельной откровенностью выражены в «Тарквинии и Лукреции».

Коварный Тарквиний совершает насилие над Лукрецией; гордая, целомудренная матрона, не перенеся оскорблений, закаляется; ее муж Коллатин, узнав о случившемся, в бешенстве решает на страшную месть, и в результате следует ряд событий, изменивших ход мировой истории. Случайное происшествие определило судьбы народов мира.

Шекспир так и говорит:

Придет пора, когда злосчастный Случай
Все истребит своей рукой могучей.
О Случай, ты всегда родишь напасть...
/стихи 874—876/.

Не мог Пушкин не увидеть и того, что Шекспир здесь повторяет заблуждения писателей древности. Поэт достаточно хорошо знал историю Рима, сочинения Тита Ливия, Овидия, Тацита. «Анналы» Тацита Пушкин читал, в частности, в Михайловском летом 1825 г. и вызванными ими мыслями делился в письмах к Дельвигу; известно и несколько сформулированных им замечаний, содержащих прямые аналогии между характеристикой, которую Тацит дает Тиберию, и оценкой, которую сам Пушкин готов был дать Александру I.

Вопрос о случайном и закономерном в историческом процессе был настолько актуальным, принципиально важным для Пушкина, ошибочность

¹ См. Б. М. Эйхенбаум. «О замысле «Графа Нулина». Пушкин, Временник пушкинской комиссии, III, М. — Л., изд-во АН СССР, 1937. Значение «Шекспировых духов» непосредственно для замысла «Графа Нулина» Б. М. Эйхенбаум явно преувеличивает.

воззрений автора «Лукреции», как и Ливия или Овидия, была так очевидна, что он не мог остаться равнодушным. Возникла острая необходимость возразить на эти наивные взгляды, показать всю их несостоятельность, высмеять их. А вместе с тем и нанести удар всем толкователям Шекспира в кюхельбекеровском духе, противопоставить их наивно романтическим представлениям о поэзии и поэте новый реалистический подход к явлениям искусства и жизни.

Так была подготовлена почва для появления шуточной повести в стихах, высмеивающей наивную веру в то, что пустой случай может быть основой событий, определяющих судьбы людей, высмеивающей аисторический подход к общественным явлениям и противопоставляющей устаревшим понятиям романтической эстетики новые принципы эстетики реализма.

И вот в это-то время сама жизнь подсказала Пушкину сюжет для его повести, определивший ее форму и общий характер. Когда мысли Пушкина были прикованы к поэме Шекспира с ее почерпнутым у историков древности «пошлым» утверждением «о том, как могут мелкие причины произвести великие последствия»,¹ и уже возникло определенное желание показать наивность, несостоятельность этих утверждений, противопоставить им понятия совершенно иные, новые, он вспомнил слышанный им незадолго перед тем, вероятно от кого-либо из соседей, рассказ о происшествии, случившемся в одном из ближайших к Михайловскому поместий, в Новоржевском уезде. «Соблазнительное происшествие» это по общей ситуации было совершенно подобно изложенному Ливием и Овидием, а за ними Шекспиром в легенде о Лукреции и Тарквинии. Но «герои» были не римские полководцы и матроны, а типичные русские уездные помещики 20-х годов, самые ничтожные, пошлые, лишенные каких-либо высоких порывов и уж менее всего добродетельные, да развязка была иной, в соответствии с духом времени. Сопоставление старой наивной легенды и подлинного современного происшествия, естественно, наводило на мысль о пародии. Пушкин нашел то, что ему было нужно. Пародия — вот форма, которая больше всего соответствовала его намерениям. Она давала ему возможность решить сразу две задачи: пародировать «историю и Шекспира» — показать несостоятельность взглядов на общественное развитие как результат простых случайностей, перенеся ситуацию из истории древнего Рима в русскую действительность начала XIX в., превратив трагедию в бытовой анекдот, где конфликт разрешается пощечиной, а гнев оскорбленного мужа сливается с веселым смехом молодого соседа, и на пустяковом эпизоде из жизни одного помещичьего семейства, на образах людей самых ничтожных, картинах природы самой «низкой» со всей решительностью декларировать новые реалистические принципы искусства, дать наглядный урок своим литературным противникам.

В форме полемической пародийной поэмы (или повести в стихах) это можно было сделать во много раз убедительнее, успешнее и полнее, нежели

¹ Слова, зачеркнутые Пушкиным в его наброске.

в предисловии к драме, лирическом отступлении стихотворного романа или письме.¹

Пушкин не преминул воспользоваться представившейся возможностью и написал «Графа Нулина».

Только так и можно представить себе историю возникновения и развития замысла первой реалистической поэмы Пушкина, если правильно прочитать текст заметки «В конце 1825 года находился я в деревне. . .» и рассматривать «Графа Нулина» в естественной связи со всем кругом идейно-художественных исканий того времени.

«Происшествие. . . в Новоржевском уезде» — существеннейшее звено творческой истории поэмы, и грубую ошибку допускают исследователи, когда игнорируют его, основываясь на ложном толковании дневниковой записи Вульфа.

Нельзя указать точно, в каком из ближайших к Михайловскому имений, с кем из новоржевских соседей Пушкина случилось это происшествие. Но известные нам многочисленные факты, характеризующие быт и нравы уездного псковского дворянства пушкинского времени, не оставляют ни малейшего сомнения в реальности, правдоподобности рассказанного Пушкиным. Подобные происшествия могли иметь место и в Богдановском у Философовых, и в Ругодево у Шушериных, и в Стехново у Рокотовых. . . Образ жизни и поведение всех этих новоржевских помещиков мало чем отличались от образа жизни и поведения Наталии Павловны и ее супруга.

Вот, например, семейство Шушериных, владельцев богатого села Ругодево, близ Новоржева, в 35 верстах от Михайловского. Пушкин хорошо знал ругодевских помещиков — они были дружны с его родителями и часто навещали Надежду Осиповну и Сергея Львовича, когда те проводили летние месяцы в Михайловском. Николай Михайлович Шушерин слыл человеком недалеким и невежественным. Много в нем было тупого самодовольства и самодурства. Он любил окружать себя всякого рода приживалами и гордился перед соседями своими необыкновенно длинными холеными ногтями. Главный жизненный интерес его заключался в охоте и собаках. Наталия Николаевна, несколько моложе своего супруга годами, считалась дамой просвещенной и в то же время одной из первых кокеток в уезде; соседи охотно рассказывали о ней всяческие «соблазнительные» истории.

Позже, в 1838 г., В. Д. Философов так охарактеризовал ругодевских обитателей в своем Дневнике: «Утром ходил по Новоржеву. После обеда тотчас отправился в Ругодево, Николай Михайлович Шушерин с огромными ногтями и огромнейшей семьей собак, из коих одна слепа. Наталия Николаевна — жена его, устаревшая кокетка со множеством портретов».²

О Шушериных постоянно упоминают в своей переписке с дочерью Ольгой Сергеевной конца 20-х — начала 30-х годов Надежда Осиповна и Сергей Львович Пушкины. В их изображении ругодевские помещики выглядят людьми пустыми, весьма недалекими, скужающими от безделья в своей деревенской глуши и ищущими развлечения — муж в охоте и собаках, жена в приеме гостей и визитах к соседям. 28 октября 1832 г.

¹ Не лишним будет вспомнить, что к той же форме полемической пародийной поэмы обратился Пушкин в 1830 г., когда, желая ответить на нападки своих политических и литературных врагов, утвердить свои принципиальные политические и литературные позиции, написал «Домик в Коломне».

² Цитирую по статье В. Д. Философова «Соседи Пушкина по селу Михайловскому» (Сб. «Старое и новое». М., 1912, стр. 128). Дневник В. Д. Философова, представляющий большой исторический интерес, полностью до сих пор не опубликован.

Сергей Львович сообщал дочери: «Завтра мы едем к Шушериным — по правде, это тяжёлая повинность — не знаю, что бы я дал, чтоб от этого избавиться, но оно необходимо». ¹ Несколькими позже Надежда Осиповна с возмущением писала: «Весь дом Шушу переберется к нам. У этого кривоногого Шушерина мания являться со всеми своими друзьями, родственниками и знакомыми». Сергей Львович даёт подробный обзор «нашего общества в Ругодево», как две капли воды похожего на то уездное общество, которое в V главе «Евгения Онегина» собирается к Лариным на именины Татьяны.

К ругодевскому обществу Сергей Львович причисляет и «некую девицу Змееву», дочь богатого псковского помещика, которая «прославилась двумя или тремя приключениями». В то же время Надежда Осиповна рассказывает про помещицу Храповицкую, к которой случайно заехала по дороге в Михайловское и застала «эту 30-летнюю женщину» в 8 часов утра «разряженную как на бал, <...> платье из граденапаля, причёска в три этажа, были тут косы, букли, ленты, громадный гребень». А как много чисто нулиньских черт в удивительно выразительных характеристиках, которые даёт Надежда Осиповна новоржевскому помещику И. М. Рокотову, хорошо известному Пушкину и чуть не ставшему в 1824 г. официальным «опекуном» поэта.

Список имен помещиков новоржевских, опочецких и иных, подобных Шушериным, Змеевым, Храповицким, Рокотовым, можно увеличивать и увеличивать. Сколько их хранят местные архивы, к сожалению, плохо ещё известные исследователям, но весьма богатые материалами, представляющими бесценный реальный комментарий и к «Графу Нулину», и к «Евгению Онегину»...

А. Н. Вульф, знавший лучше кого-либо другого псковские помещичьи нравы, имел все основания утверждать, что картина деревенской жизни, нарисованная Пушкиным в «Нулине» и «Онегине», «вся взята из пребывания Пушкина у нас в губернии Псковской». Многие страницы Дневника самого Вульфа дают тому убедительное доказательство и, как говорилось выше, подтверждают реальность, жизненную достоверность сюжетной ситуации «Графа Нулина».

В окончательном своем виде повесть Пушкина явилась перед публикой такой живой реальной картиной современной действительности, что о первоначальном замысле, о том, что «Нулин» — пародия на «Лукрецию», никто и не догадывался. Бытовой анекдот, сатира на помещичьи нравы — вот как воспринимался и воспринимается «Граф Нулин»; да иначе и не может быть, ибо в тексте произведения больше ничего нет. Однако первоначальный замысел наложил свою печать на весь строй поэмы как произведение пародийно-полемического; не учитывая его, многое в ней невозможно правильно понять. Исследователь обязан помнить об этом и не ограничиваться толкованием пародийного замысла поэмы лишь как внешнего толчка или факта общеидейной жизни Пушкина конца 1825 г. Нет, это и весьма значительный факт творческой жизни Пушкина-художника. Не случайно, отказавшись от первоначального варианта названия «Новый Тарквиний», Пушкин счёл необходимым сохранить в тексте упоминания имен героев Шекспира. Таких упоминаний два: в стихе 248 — «К Лукреции Тарквиний новый. . .», в стихе 287 — «Она Тарквинию с размаха. . .» Особо знаменательно, что последний стих Пушкин вставил уже в беловую руко-

¹ Переписка Н. О. и С. Л. Пушкиных с дочерью О. С. Павлищевой хранится в Рукописном отделе ИРЛИ. Перевод с французского сделан Л. Л. Слонимской.

пись, явно желая намекнуть читателю на то, что лежало за поверхностью текста произведения, указать на связь сугубо современной поэмы со своими трудами и размышлениями историческими, «Графа Нулина» с «Борисом Годуновым».

Что же касается до связи «Нулина» с «Онегиным», особенно IV и V главами романа, то здесь ни намеки, ни доказательства не нужны, она очень тесна и непосредственна, видна во всем — и в общей характеристике поместной дворянской среды, ее культурного и морального облика, и в весьма прозаических пейзажах (сравн. напр., — «В глуши что делать в эту пору. . .» и «В последних числах сентября. . .» — оба писаны в Михайловском почти одновременно, поздней осенью), и даже в таких деталях, как упоминание в обоих случаях В. Скотта, Прадта, «нравоучительных романов». Во всем видны одни устремления поэта и одни жизненные источники.

Следует заметить также, что связь между «Графом Нулиным» и «Евгением Онегиным» взаимная. Если «Нулин» возник в процессе создания IV главы «Онегина», то и работа над поэмой, в свою очередь, оказала влияние на характер последующих глав романа. Это особенно ясно видно в V главе.¹ Как справедливо указывал Г. А. Гуковский, «Граф Нулин» по отношению к «Евгению Онегину» не только эпизод, но и комментарий.

Пушкин работал над «Нулиным» с увлечением, большим подъемом, понимая всю жизнь задуманного, «самым трезвым и благопристойным образом». Об этом свидетельствуют и сохранившиеся рукописи. Вероятно, все было тщательно до деталей обдуманно, а затем «залпом» в два дня написано. На наш взгляд нет никаких оснований сомневаться в достоверности свидетельства поэта, что «Нулин» был написан в два утра — 13 и 14 декабря.

13 и 14 декабря 1825 года. . .

Когда Пушкин писал свою стихотворную повесть, в которой пародировал наивные взгляды на историю как цепь случайностей, объективно ведущих к историческому фатализму, пассивности, рисовал сугубо правдивые картины из жизни современного общества, он не знал еще, что в это самое время в Петербурге его друзья и братья, его единомышленники и соратники решили силой оружия поколебать самые основы существующего общественного устройства, изменить ход истории. Однако декабря 1825 года с первых дней принес поэту важные новости. До Михайловского дошли сообщения о смерти в Таганроге Александра I. Сообщения эти и тревожили и радовали. Пушкин решил было ехать в Петербург, но передумал. Появилась надежда на возможность скорого освобождения. Между 5 и 13 декабря было получено письмо от Пушкина. . . Пушкин чувствовал, что надвигаются события, которые могут иметь важные последствия не только для него самого, но и для будущего России. Он напряженно думал над историческими судьбами родной страны, решительно отвергая аисторическое фаталистическое толко-

¹ Б. М. Эйхенбаум ошибочно указывал, что в V главе «Онегина» есть элементы, подготавливающие сюжет «Графа Нулина», забывая при этом, что V глава писалась позже, в 1826 г.

вание законов общественного развития, страстно искал новых путей для русской поэзии. И все это сливалось в замысле произведения, своеобразно, в пародийно-полемической форме отражающем эти думы и поиски.

Именно здесь следует искать объяснения заключительных слов наброска о замысле «Графа Нулина»: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

Невозможно согласиться с распространенным мнением, будто бы эти слова означают сопоставление случайно совпавших по времени важных исторических событий, происходивших 13—14 декабря 1825 г. в Петербурге, и якобы пустяковых занятий, которыми увлечен был в эти дни поэт в Михайловском, сочиняя шуточный рассказ о соблазнительном приключении странствующего графа и скучающей барыни. Если бы дело было просто в случайном совпадении ничем не сходных между собой явлений, вряд ли Пушкин стал бы об этом и говорить. Затем, Пушкин никогда не считал «Графа Нулина» просто забавным пустяком; напротив, произведение это, как мы знаем, имело для него весьма важное принципиальное значение, о чем свидетельствует, в первую очередь, сам набросок будущего предисловия или комментария. Еще Белинский предостерегал против взгляда на «Графа Нулина» просто «как на легонькое литературное произведеньице, как на остроумную шутку», настойчиво подчеркивая его глубокий смысл, смелый реализм, неуклонную верность действительности, делающие его важным фактом в истории русской литературы своего времени и последующих эпох. Наконец, Пушкин говорит о «сближении», т. е. сопоставлении чем-то близких друг к другу явлений. Сближение, о котором здесь идет речь, в данном случае не могло не казаться «странным», настолько оно было неожиданным, необычайным, но это все же было сближение. Конечно, только так можно понимать слова поэта о «странном сближении». Они имеют вполне определенный смысл и связаны со всем, что занимало и волновало Пушкина исторической осенью 1825 года.

Если считать, что набросок, оканчивающийся этими словами, писался Пушкиным в 1827 г. как предисловие или комментарий к подготавливаемой им первой публикации полного текста «Нулина», то следует также вспомнить, что в это же самое время писались стихотворения «Во глубине сибирских руд...», «Арион»¹, «Бог помочь вам, друзья мои...», и все мысли поэта были устремлены к событиям и людям 1825 года.

¹ «Арион» был напечатан в «Северных цветах» на 1828 год вместе с «Графом Нулиным».

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
16	9 снизу	В 1906 г.	В 1908 г.
123	10 сверху	написанной в 1818 г.	написанной в 1819 г.
238	2 снизу	на странице рукописи „Евгения Онегина“	на странице рукописи „Графа Нулина“
578	18 сверху		

Зак. 1469.

*Всесоюзный
Музей
А.С. Пушкина*

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ЛЕНИНГРАД • 1962

ПУШКИН И ЕГО ВРЕМЯ

Выпуск первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА